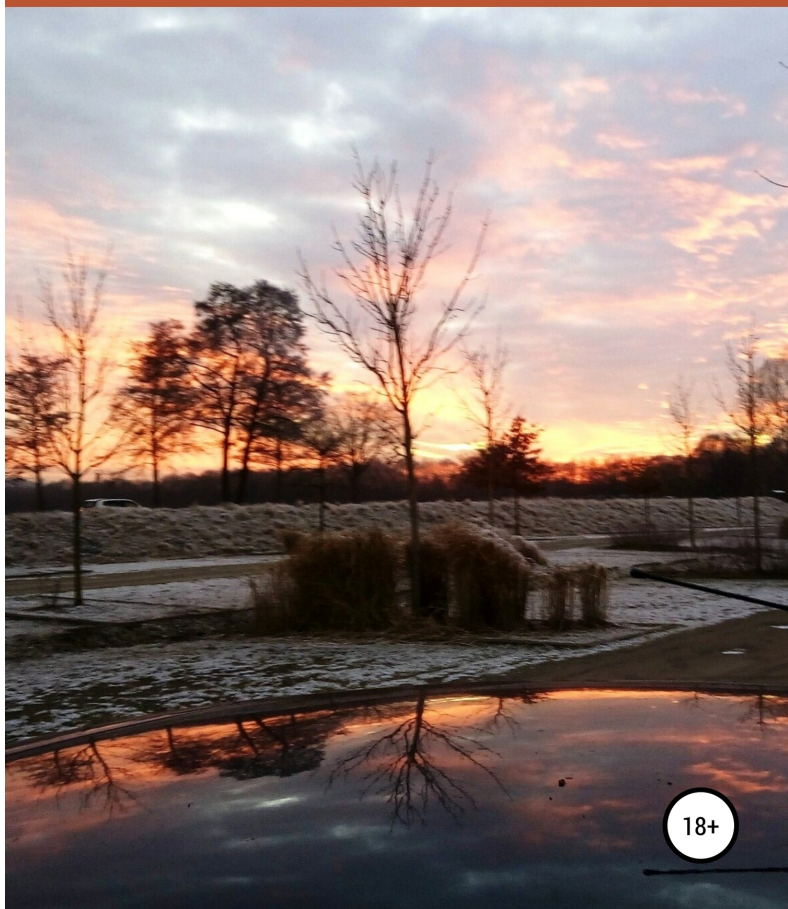

Елена Алергант

Записки из дома для престарелых

18+

Елена Алергант

Записки из дома для престарелых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51810422

SelfPub; 2020

Аннотация

В этой книге рассказывается о судьбах людей, которые по той, или иной причине оказались в доме для престарелых. О возрасте, который принято называть третьей молодостью. И начинается она с эпиграфа: «... мы думаем, это – конец жизни, а это всего лишь новая сцена, на которой жизнь продолжается». Репертуар пьес, разыгрываемых на этой сцене, очень разнообразен: драмы, романтические встречи и одноактные водевили. Третья молодость – это возраст, когда дневник, хочется начинать со слова «последний». Последний бокал вина, последняя, осознанно прожитая осень, последняя любовь, которая ярче и надёжнее первой, потому как времени на разочарование не отпущено. Третья молодость – это отрезок пути, на котором над человеком перестаёт довлеть слово «надо», уступая место волшебным «хочу», или «не хочу». Истории, собранные в этой книге, основаны на двадцатилетнем опыте работы автора в доме для престарелых в Германии.

Мы думаем, это конец жизни, а это всего лишь новая сцена, на которой жизнь продолжается.

Поэт, Королева и госпожа Мопс

Каждая комната имеет своё лицо, потому что живёт в ней не просто человек, а свойственный ему одному мир, его настоящее, перемешанное с далёким прошлым. Мне до сих пор трудно смириться с круговращением приходов и уходов. Каждый новый пациент – это рождение и смерть. Знакомство, сближение, взаимопонимание... Я медленно привыкаю к людям, но постепенно их лица, голоса, привычки, радости и страдания становятся частью моей жизни. А потом они уходят, оставляя после себя пустоту, которую со временем заполняют другие. Но и новые, пройдя со мной небольшой отрезок пути, становятся прошлым. «Моя работа – это история встреч и расставаний», размышляла я, прибирая опустевшую позавчера комнату.

Новая пациентка приехала в сопровождении полноватого, преувеличенно вежливого, пожилого мужчины. Крупная, статная, с породистым лицом и обворожительной улыбкой, обнажавшей изрядно поредевшие, но всё ещё натуральные зубы. Спутник проводил её в комнату, заботливо усадил на стул и протянул мне сумку с вещами:

– Вас не затруднит развесить это в шкаф? Я в женской

одежде не разбираюсь. Собрал тут кое-что поприличней.

Женщина, по-королевски выпрямившись на стуле, снисходительно разглядывала свежеекрашенные стены, тюлевые занавески и горшки с геранью, пышно цветущей на соседском балконе. Седые, давно не мытые и не стриженные волосы новой пациентки липкими прядями свисали на желтовато-серые щёки. Руки терпеливо покоились на коленях, в то время как ногти, подобно сторожевым псам, готовым в любую секунду вступить за повелительницу, угрожающе топорщили свои почерневшие от грязи, острые обломки. Так выглядели в старых фильмах спившиеся актёры, прежде игравшие на провинциальной сцене королевских особ. Именно поэтому я в первый же день мысленно произвела вновь прибывшую в Королевы.

Меня так и подмывало спросить: «Ваше величество, в каком подземелье и за какие грехи прятали Вас столько десятилетий?» Но разве принято задавать подобные вопросы тем, кому посчастливилось вернуться из изгнания?

Спутник, неловко потоптавшись на месте, начал прощаться:

– Ну, Гертруда, я пойду потихонечку. Если что надо, звони. Заеду дня через два снова.

– А я? Мне тоже пора?

– Ты останешься здесь. Ведь мы обо всём договорились.

Вопреки моим ожиданиям, Гертруда, не вдаваясь в дискуссии, подарила мужчине снисходительную улыбку и мило-

стивым наклоном головы позволила удалиться.

Я потянула за молнию дорожной сумки, и она, неохотно распахнув пасть,дохнула на меня плесенью, пылью и тленом. Неужели это и есть то лучшее, что удалось сохранить в изгнании? Переложив «сокровища» в полиэтиленовый мешок, тут же отправила их в стирку, и пригласила Гертруду к обеду.

Как примут её наши дамы? Ухоженные, с завитыми, подкрашенными кудельками, обвешанные разноцветной бижутерией, искусно подобранной к цвету блузок и джемперов, они чинно восседали за накрытым столом в ожидании салатов и дымящихся омлетов.

Я представила им Королеву, предложив ей занять место, освободившееся всего неделю назад. Критические взгляды, презрительное перешёптывание и передёргивание капризных носов говорило само за себя: новенькая проиграла партию в первом же раунде.

Ох уж эти дамы! Они давно забыли свой первый день. Каждая была такой же запущенной, растерянной, с отчаянием, сочившимся из перепуганных глаз. Многим приходится до сих пор бороться за место под солнцем, подчиняясь местному табелю о рангах и этикету.

Да, это общество ничем не отличается от любого другого, состоящего из привилегированных патрициев, народа, обязанного всегда говорить только «да», и бунтарей, держащихся отдельной кучкой и живущих по своим собственным правилам.

Оформляя обязательные бумаги, я с наслаждением представляла завтрашний реванш: намытая до блеска, причёсанная, завитая, наряженная в туалеты из «золотого запаса», Королева торжественно займёт полагающееся ей место не только за обеденным столом, но и в жёсткой иерархии местного «высшего света».

Утром, преисполненная энтузиазмом и добрыми намерениями, переступаю порог гертрудиной опочивальни:

– С добрым утром! Как спалось на новом месте?

Скрестив под одеялом длинные, тощие ноги, она величественно возлежит на спине и приветливо улыбается:

Спасибо. Хорошо.

Радуюсь первому успеху. Кажется, контакт установлен. Можно двигаться дальше.

– Вот и замечательно. Пора вставать.

– А зачем?

– Я помогу Вам помыться, одеться и провожу к завтраку. Кофе и свежие булочки уже стоят на столе. Согласны?

– Согласна.

– Тогда вставайте.

– Да, конечно. Но не сейчас.

– А когда?

– Минут через двадцать.

Посмотрев на часы, покидаю комнату. Придётся менять и без того напряжённый график и возвращаться сюда минут через двадцать. Полчаса спустя опять стучусь в закры-

тую дверь:

– Пора вставать и идти к завтраку.

– Конечно... но не сейчас. Минут через двадцать.

В этот день я посещала покои Её Величества раз десять, каждый раз получая в награду чарующую улыбку и предложение вернуться через двадцать минут. Реванш не состоялся ни завтра, ни послезавтра. Целую неделю, соревнуясь в вежливости, граничащей с подхалимажем, мы по-очереди пытались выманить Гертруду с пропахшего немытым телом и неминуемыми человеческими экскрементами ложа, получая в ответ дежурное, всем до оскомины надоевшее согласие: «Конечно... но не сейчас... Минут через двадцать».

Казалось, Королева, когда-то смирившаяся с заточением, целенаправленно превращала новую комнату в ставшую родной и близкой тюремную камеру.

Неделю спустя, потеряв терпение, я решительно набрала телефонный номер, написанный на клочке бумаги спутником Королевы. Через два часа он уже сидел в моём кабинете и рассказывал захватывающую историю её жизни.

Принцесса на горошине.

Гертруда была единственной дочерью потомственного аристократа, дослужившегося при новом правительстве до генеральского чина. Девушке предстояло блистать в высшем обществе. В арсенале её боевого оружия значились не толь-

ко величественная красота, но и блестяще воспитание: принцесса почти профессионально играла на рояле, пела и свободно говорила на трёх иностранных языках. Претендентов на руку, сердце и титул гордой красавицы было предостаточно, но... то ли она ждала своего принца, то ли отец не спешил с новым родством. Гертруда уже «засиживалась» в девицах.

Она успела отпраздновать четверть века, когда началась война со всеми вытекающими из неё последствиями: Нюрнбергский процесс, конфискация имущества, бесчестие и... нехватка мужчин.

Но похоже, в последний момент судьба сжалилась над опальной принцессой и ниспослала ей жениха – пережившего русский плен немолодого майора. Когда-то она даже не посмотрела бы в его сторону: длинный, тощий крестьянин с грубыми чертами лица и дурными манерами. Единственным аргументом в его пользу был уцелевший за годы войны клочок земли и не утраченные крестьянские навыки, обещавшие спасти от неминуемого голода молодую жену и её овдовевшую мать. Так началась вторая глава жизни Гертруды, затянувшаяся почти на двадцать пять лет.

Барышня – крестьянка.

Отставной майор, сохранивший со времён войны прекрасно поставленный, командирский голос, занялся мушкетёрской женой и тёткой. Тонким пальцам принцессы, переби-

равшим когда-то покрытые слоновой костью чёрно-белые клавиши концертного рояля, предстояло во второй главе перебирать тугие соски коров и коз, выжимая из них упругие струи тёплого, пряно пахнущего молока. Муж не тратил время на ненужные объяснения. Короткие, чёткие команды. «Пойти и сделать! Без возражений!» на многие годы стали неотвратимой реальностью неудавшейся аристократической жизни.

Послевоенная Германия постепенно вставала на ноги. У людей появились деньги и повышенный интерес к свежим продуктам. К первому клочку земли присоединился второй, а потом четвёртый и пятый. К ним добавился просторный дом с балконом, двумя ванными комнатами и домашней прислугой, но растущее благосостояние не освобождало хозяев от непосредственного участия в крестьянском труде. Гертруда, давно отвыкшая от деликатесов родительского дома, научилась готовить простые, сытные блюда, взбивать масло и консервировать огурцы. Муж, давно набравший утраченные в русском плену килограммы, превратился в грузного, грубоватого владельца прибыльного фермерского хозяйства.

Оказалось мужчина, доставивший опальную королеву в дом престарелых, был ей не племянником, а соседом. Его родители, не менее удачливые землевладельцы, дружили с семейством отставного майора, а мальчик с удовольствием забегал к бездетной соседке, обучавшей его английскому язы-

ку и игре на рояле.

Жизнь плавно катилась по основательно проложенным рельсам, но вдруг... кто бы мог подумать... Майор, собиравшийся дожить до ста лет, в одночасье переходит в иной мир. Гертруда остаётся не просто вдовой, но очень богатой вдовой. С этого момента начинается третья глава её жизни.

Весёлая вдова

С юности у неё сохранилась единственная подруга, которая (надо же, какая удача)

к этому времени тоже успела благополучно овдоветь. Обе дамы вошли в тот замечательный возраст, когда лица ещё сохраняют остатки былой свежести, фигуры – остатки былой стройности, а общество уже не требует ни пуританства, ни бережливого отношения к «девичьей чести».

Утром, часов после одиннадцати, дамы созванивались в первый раз, долго решая сложнейшую проблему: где они завтракают сегодня и с чего начнут – с шампанского или с красного вина. Завтрак затягивался до обеда, плавно перетекая в вечернюю программу, стартующую в театре, а финиширующую в казино. Ни отца генерала, ни мужа майора, ни коров, ни маринованных огурцов! Почти десять лет упоительной свободы и нескончаемых удовольствий!

К сожалению, всему хорошему рано или поздно приходит конец: подруга зачем-то последовала за своим мужем,

повторно оставив Гертруду безутешной вдовой. Та сделала несколько попыток прилепиться к каким-то дальним родственницам, но пожилые дамы предпочитали в первую половину дня протирать от пыли полированные буфеты, а во вторую баловаться пирогами собственного изготовления. Шампанское вызывало у них изжогу, а красное вино расстройство желудка.

Разочарованная, потерявшая интерес к жизни Гертруда, заперлась в своих четырёх стенах, решительно порвав все контакты с внешним миром. Сын бывших соседей, давно переехавший в другой город, нашёл её пару недель назад в весьма плачевном состоянии: осунувшаяся, запущенная женщина ютилась на задвинутой в угол, грязной кровати в комнате, заваленной десятками пустых бутылок из под шампанского и ликёров. Спешно оформив документы на переезд в дом престарелых, он открыл последнюю страницу жизни обездоленной королевы.

Аккуратно записывая эту историю, я задала только два вопроса:

– А Вы видели её приятельницу?

– Да. Пару раз, когда приезжал в Ганновер. Они приглашали меня на ужин, а потом в театр.

– И кто же из дам в этой упряжке был ведущей?

Задумавшись на пару секунд, племянник безошибочно поставил диагноз:

– Приятельница была очень активной, энергичной жен-

щиной. Безусловно ведущей была она.

Вот всё и разрешилось. Королева прожила всю жизнь не в заточении, а в подчинении. Отец – генерал, муж – майор, энергичная, властная подруга... А я требую от пожилой дамы самостоятельных решений. Придётся менять стратегию.

Утром следующего дня, наскоро покончив с обычными приветствиями, перешла к запланированной атаке: спокойное, не терпящее возражений лицо, командный голос и внутренняя убеждённость в непременном успехе.

– А теперь встаньте с постели и... в туалет.

Чувства на лице Гертруды замелькали кадрами немного кино. Удивление, протест, безысходная покорность и... облегчение. Навсегда покинувшее её прошлое вернулось снова. Появился кто-то, готовый давать команды и принимать за неё решения. Тонкие пальцы нерешительно откинули край одеяла, и две тощие, обтянутые сморщившейся, пересохшей кожей ноги медленно потянулись к стоптанным домашним тапочкам.

Более получаса я лила ароматные шампуни и гели на слипшиеся от грязи волосы и кожу, впитавшую запахи многолетнего запустения и гнили. Одиночество, что ты сделало с когда-то красивой женщиной?

Через час Королева, поправив и без того идеальную причёску, решительно покинула свои апартаменты, готовясь предстать перед ликующим, празднующем её возвращение народом. Но народ почему-то не ликовал. Намётанный жен-

ский глаз тут же приметил и неуклюже свисающее с поху-
девших плеч платье, и стоптанные каблуки покосившихся
туфель, и скромный крепдешиновый платочек, прикрываю-
щий старую, морщинистую шею. Ревнивые народные губы
искривились в ироничных усмешках.

Гертруда скромно присела к накрытому столу, пожелала
всем приятного аппетита и положила себе на тарелку румя-
ную, свежеиспечённую булочку. Я заняла удобную позицию
напротив своей подопечной, делая вид, будто занята важны-
ми делами. Одному подливала кофе, другому передавала мо-
лочник или вазочку с мармеладом, третьему помогала нама-
зывать булочку, наблюдая боковым зрением за той, от кого
зависел исход дебюта. За всеильной Хильдой, которую про
себя называла госпожой Мопс.

На самом деле её лицо походило на старого, утомлённо-
го жизнью бульдога. Приплюснутый нос, обвислые, дряблые
щёки, потянув за собой углы влажного рта, превратили его в
расплывчатый полумесяц. Крупные, идеально круглые, чёр-
ные глаза, доводили портрет до карикатурного сходства: ли-
цо богатое не мимикой, но выразительными, «говорящими»
глазами. Появление за столом Гертруды зажгло в них насто-
ящий охотничий азарт. Бульдог встал на охрану своей тер-
ритории.

Гертруда аккуратно разделила будочку на две половин-
ки, намазала их тоненьким слоем масла и, не спеша изучив
богато накрытый стол, остановила выбор на ломтике серве-

лата, аппетитно поблёскивавшего крошечными, розоватыми звёздочками сала. Потянулась к блюду и нанизала ломтик на вилку. Нависшее над столом молчание взорвалось возмущённым возгласом Хильды Мопс:

– Похоже эта дама не обучена хорошим манерам! Занята только собой. Я как раз собиралась взять этот кусок колбасы.

Я чуть не подавилась возмущением. Эта хитрая лгунья – убеждённая вегетарианка, признающая к завтраку только абрикосовое варенье.

Ломтик сервелата, трепеща полупрозрачными крылышками, повис над столом. По бледно-голубому экрану, лицу Гертруды, стремительно сменяя друг друга, помчалась кадры противоречивых чувств: удивление, испуг, возмущение... Краем глаза я следила за Мопсом – вегетарианцем. Она, прощупав лица преданных ей вассалов, осталась довольна первой боевой вылазкой.

Боже! Как трудно оставаться немым свидетелем человеческого властолюбия! Но я не воспитатель в детском саду. За столом сидят пожилые люди, прожившие долгую, непростую жизнь, и они давно научились лавировать и выживать в этом непростом мире. Пусть используют свойственные им методы обороны.

Рука Гертруды замерла в нерешительности. Пара бесконечно долгих секунд... губы, сжавшиеся в упрямую полоску... едва заметное движение правым плечом... и тёмно-бордовая сервелатовая бабочка совершила плавную по-

садку на приготовленную для неё площадку.

Госпожа Мопс, до этого дня не потерпевшая в застольных боях ни единого поражения, сложив руки на животе, вынесла промежуточный вердикт:

– Сейчас мы с вами смогли убедиться, что дама обладает завидным аппетитом. Посмотрим, работает ли ей голова так же хорошо, как челюсти.

В ответ подданные услужливо захихикали. Бедная Королева, хрустя подрумяненной булочкой, даже не подозревала, что ей в лицо брошена перчатка; вызов на дуэль со смертельным исходом. Ей предстояло защищать свою честь на занятиях по тренировке памяти и остатков интеллекта, проводимых у нас два раза в неделю. Хильда была на этих занятиях, которые я мысленно прозвала «Поле чудес», бессменным победителем. Фотографическая память, не затронутая ни инсультом, ни временем, хранила в идеальном порядке имена всех известных актёров, писателей, спортсменов и политических деятелей. Она без промедления называла столицы всех существующих на земле государств, названия рек, озёр, морей и королей красоты, занявших призовые места в последние десять лет.

Эта, сидящая в инвалидной коляске энциклопедия, ежедневно читала газеты, смотрела научные репортажи и новости культуры. Вряд ли Гертруда сможет сравниться с ней в этом поединке. Крестьянский труд, казино и безудержный алкоголизм последних лет изрядно изрешетили её далеко не

девичью память.

Злилась ли я в этот момент на зловердного Мопса, вальяжно развалившегося за столом? И да, и нет. Нет, потому что на самом деле нас связывали многолетняя дружба и взаимное уважение.

Хильда умно и с юмором рассказывала о своём прошлом: – «Красавицей, сами видите, никогда не была», – говорила госпожа Мопс, указывая рукой на старую фотографию. Барышню, позирующую профессиональному фотографу, и в самом деле трудно было признать красивой. Она, состоявшая из шаров разной величины, походила на снеговика, слепленного умелой детской рукой. Даже волосы, собранные в замысловатую причёску, казались отдельным, завершающим картину, объёмом. Да и лицо смотрелось не лучше. Крепкие, растопыренные щёки, тяжёлый подбородок и короткий, приплюснутый нос. Только глаза, большие и круглые, излучали вековую мудрость и вселенскую печаль оставшейся в одиночестве молодой женщины.

– А замужем так и не побывала. До войны не успела, а потом... сами знаете. К одному жениху очередь из пятнадцати невест выстраивалась. Куда уж мне с моей внешностью. Даже в очередь не становилась.

– Так и прожили всю жизнь одна?

– «Почему же одна?», – возмущалась Хильда, – «Мужа не было, а дети были».

Я внутренне просияла: слава богу, хоть чуть-чуть, но всё

же отведала женского счастья.

– А сколько же их было?

– Ой много. Сейчас и не пересчитать. Я ведь сорок лет учительницей начальных классов проработала. С первого по четвёртый. Вот они, мои сорок лет, все на стене висят. Ровно десять выпусков, и все мои.

– А не тяжело было?

Нет. Очень интересно. Дети такие разные. В послевоенные годы из благополучных семей почти не было. Всё больше от вдов или матерей одиночек. Невоспитанные, неухоженные и плохо развитые. Что я с ними только ни делала! В походы ходила, в театры, в кино, по музеям таскала. Даже на байдарках плавала. А на уроках по три шкуры сдирала, что бы учились хорошо. И не только с них. Мамам их тоже приходилось частенько мозги вправлять.

Глаза Хильды заблестели азартом, а искривлённый хроническим артритом указательный палец уткнулся в пространство между землёй и небом.

– А матерей за что ругали? Им и без Вас не сладко жилось. Легко ли целыми днями на работе убиваться, а потом ещё по хозяйству вахту держать?

– А за то ругала, что ребёнка не только кормить надо, но иногда и приласкать не грех. Дикими дети росли, недолюбленными. А результатом до сих пор горжусь. У меня девяносто процентов выпускников в гимназию поступали, а это не шутка.

Я рассматривала старые фотографии, худенькие, детские, послевоенные лица и верила, что все они со временем стали хорошими людьми. Рассказы о прошлом сродни охотничьим рассказам. В них мы всегда выступаем успешными, блестящими специалистами своего дела, но Хильде я верила. Она излучала такую пассионарность, такую спокойную уверенность в себе, что не оставалось ни малейших сомнений в её даре воздействовать на людей. Даже я, с годами уставшая от бесед и общений, не могла устоять перед её вопросами.

«Как Ваш сын написал вчера контрольную, получили ли удовольствие от балета, дочитали ли книгу, о которой рассказывали на прошлой неделе?»

Она вслушивалась в ответы не перебивая. Уточняла интересующие её подробности и, делая собственные умозаключения, давала неназойливые советы.

– Встретились вчера со своей приятельницей? Удалось поговорить? Действительно стоило на неё обижаться? Вот и правильно. Это в первой половине жизни можно друзьями разбрасываться, а во второй их беречь нужно. Старые уходят, а новые уже не появляются. И остаёшься со временем одиноким, засохшим баобабом у чужой дороги.

Круглые, подёрнутые печалью глаза Хильды, всматриваясь в далёкое прошлое, пытались распознать контуры ушедших в небытие друзей.

– Мы всё за жизнь цепляемся. Хотим как можно дольше протянуть, а зря. Лучше уйти одним из первых. Пусть луч-

ше другие по тебе грустят, чем годами с тоской смотреть на умолкший телефон.

Я тёрла мочалкой крепкую Хильдину спину и пыталась представить лицо того или той, кто уже никогда не позвонит и не поздравит её ни с днём рождения, ни с рождением. А ещё удивлялась привередливости природы, сохраняющей до глубокой старости наши, скрытые от постороннего взгляда спины, глянцевым и упругими, превращая выставленные напоказ щеки в сморщившиеся, печёные яблоки.

– Вот, вот. Потрите посильней справа, под лопаткой. Ой как хорошо. Аж дух захватывает. А у Вас есть кто-нибудь, кто бы спинку иногда потёр? Это правильно... Знаете, чем отличаются одинокие женщины от не одиноких? У них постоянно нетёртые спины чешутся.

Я, подхватывая брошенный мяч, ехидно спрашивала:

– А у Вас почему спина так отполирована, если, как утверждали, замужем никогда не были?

– Что замужем не была, говорила, а о «спинке» ... разговору не было.

Знаю. Пока не было, но наступит момент, когда тоска по прошлому прорвёт и эту плотину молчания. Но сегодня мне не до «спинки». Голова занята судьбой Королевы.

– Скажите, зачем вчера за столом на новенькую накинулись?

– А как ещё на неё реагировать? Новеньких нужно с самого начала к порядку приучать.

– У Вас тут как в армии. Дедовщина какая-то.

– А Вы как думаете. Воспитанный человек, приходя в незнакомое общество, должен сперва порядками, обычаями, в конце концов ритуалами поинтересоваться, а потом уж колбасу в рот запихивать. А эта... расселась, как королева.

Надо же. Тоже заметила, что Гертруда не из простонародья.

– Предлагаю мирное соглашение: на этот раз воспитанием новенькой занимаюсь я.

Госпожа Мопс аж подскочила от возмущения:

– Вы, милая моя, себя в роли воспитателя уже дискредитировали. И не только Вы, а весь коллектив. Распускаете людей, а потом бегаєте с квадратными глазами: «Катастрофа, катастрофа!» Да ладно, не обижайтесь. Профессия у вас такая. Клиент деньги платит, значит и музыку заказывает, иначе от начальства попадёт. А мне ваше начальство не указ. Я тоже деньги плачу, вот и заказываю свою музыку.

Подобные высказывания вызывали у моих коллег взрыв возмущения. Попадая в мощное поле её притяжения, они, как и я, допускали Хильду до самых потаённых уголков своих утомлённых разочарованиями душ, но за закрытой дверью называли её двуличной, неискренней подхалимкой:

– Перед вышестоящими спину крендельком гнёт, а себе подобных, как английский бульдог, при первой же возможности в клочки раздирает.

Я видела это в ином свете. Для Хильды мы были не выс-

шим эшелонном власти, а коллегами, к которым она относилась с пониманием и уважением. Пациентам выделялась роль нерадивых школьников, которых, во что бы то ни стало, предстояло подготовить к гимназии. Как когда-то в классе, она выделяла группу способных, но ленивых. В неё входили те, кого ещё умудрялся скрывать первые признаки старческого маразма. Вторая группа, пользующаяся её особым расположением, состояла из «не очень умных», но послушных, преданных ей душой и телом соратников. А в третью Хильда записывала самых «тупых, дурно воспитанных, упрямых бездельников», объявивших целью своей жизни кромешное безобразие и разрушение порядка. На самом деле эти люди в медицинском понимании, просто успели слегка опередить остальную компанию на пути к окончательной потере разума. Именно они, и без того глубоко несчастные, были бессменной мишенью хильдиных нападков.

Гертруда пока оставалась для госпожи Мопс загадкой, разгадать которую предстояло на ринге. Я, прекратив бесполезный спор, приняла окончательное решение: на дуэль с Мопсом Королеву не выпущу.

На следующий день, незадолго до начала занятий, пригласила Гертруду на просмотр местных достопримечательностей. Она с любопытством разглядывала развешенные на стенах картины, предметы довоенного быта, купленные подшивке на блошином рынке: старые деревянные кофемолки, отделанные медными пластинками, давно пришедшие в

негодность швейные машины фирмы «Зингер», толстые фаянсовые чашки и пивные кружки. Наконец мы вошли в маленький зал, где стояло старое, но ещё живое пианино. Гертруда, не спеша подошла к инструменту и осторожно приподняла крышку. Клавиши, отполированные сотнями прикосновений, обнажились ей навстречу в призывной улыбке. Королева нерешительно погладила их загрубевшими пальцами, опробовала две – три на звук, равнодушно покачала головой и, опустив крышку, повернулась к старинным фотографиям на противоположной стене:

– Надо же. Довоенный Ганновер. Хорошо помню это место. Тут, за углом, находилась моя школа. Шофёр, служивший у отца, всегда подвозил меня сюда на машине, а одноклассницы завидовали и злились. Ладно, пошли дальше.

Дальше идти было некуда. Цель путешествия, старое пианино, не вызвали у неё, к сожалению, ни малейшего интереса. Зато за обедом продолжала лютовать госпожа Мопс. На этот раз поводом для атаки стали несколько одиноких ломтиков картофеля, оставленных Гертрудой на тарелке.

– Ну, где это видано! Зачем хорошую еду в помойку выбрасывать! Неужели нельзя сперва заказать порцию поменьше, а потом, если не наелась, добавку попросить?

Королева задумчиво разглядывала картофель, успевший подёрнуться плёнкой застывшего жира. Лицо выражало смесь отвращения и растерянности. Все дамы, сидевшие за столом, с любопытством ожидали развязки. Одни из них,

страшась неприятностей, предпочли бы доесть эти отвратительные кусочки, другие, яростно и визгливо, посоветовал бы Мопсу прогуляться куда подальше, а третьи, склонные к театральным представлениям, схватившись за сердце, потребовали бы нитроглицерина.

Меня окатило волной злости. Боже, как я ненавидела в этот момент обвислые щёки и приплюснутый нос Мопса. Это мелочное властолюбие, пусть даже власть, или её иллюзия, умещается в крошечном, подагрическом кулачке! Всю жизнь ненавидела тех, кто, неизвестно за какие заслуги, присваивает себе исключительное право хладнокровно унижать других. Но какую стратегию предпочтёт Гертруда? Минуту поразмышляв она, так и не взглянув на обидчицу, всем корпусом развернулась ко мне:

– Милочка, Вы не могли бы предоставить мне другое место? Здесь... очень дует.

В душе я разразилась бурными аплодисментами. Вот оно, аристократическое воспитание! Вот оно, истинное чувство собственного достоинства! Гертруда даже не снизошла до объяснений, обозначив откровенное хамство простым сквозняком, приравняв гордого Бульдога к дурной погоде. Сумела бы я на её месте не растеряться и вклеить хамке такую звонкую, изысканную оплеуху?

Исполнить королевскую просьбу было не просто: все места, выделенные нам в обеденном зале, были пожизненно зарезервированы за своими владельцами. Помощь, как в сказ-

ке, пришла с той стороны, откуда её никто не ждал.

– Я не буду возражать, если дама пересядет за мой стол, – возвестил скрипучий фальцет, исходявший из глубины зала. Там, за отдельным столиком у окна, восседал в глубокой инвалидной коляске господин Шиллер, единственный мужчина в нашем бабьем царстве.

Несмотря на всемирно известное имя, господин Шиллер не был поэтом. Совсем наоборот. Он был налоговым инспектором, да и то, прослужив государственной казне верой и правдой более сорока лет, сумел приподняться всего лишь на третью ступеньку карьерной лестницы. Пять дней в неделю он ссыпал в бездонную государственную копилку звонкие монеты, конфискованные у робких, законопослушных бюргеров, а в выходные, вскочив с разбегу в маленький любительский самолёт, взмывал к небу. Не в заоблачное, ярко-голубое пространство, где проплывали гордые, серебристые лайнеры, а так, как на службе... всего пару ступенек над землёй, едва задевая крышей первые, полупрозрачные ступки позолоченной солнцем ваты. И всё же... именно там, между землёй и небом, он отдыхал от ненавидящих взглядов обобранных им сограждан.

В первый день, въехав в инвалидной коляске в зал импровизированного ресторана и бегло окинув опытным взглядом принадлежащий нашему отделению стол, Шиллер, нимало не задумываясь о чувствах дам, с надеждой и любопытством взиравших на нового мужчину, скрипучим голосом бросил

им в лицо первое оскорбление:

– Надеюсь, Вы не собираетесь сажать меня в этот курятник?

Многолетний опыт работы приучил меня не вспыхивать и не коптить, подобно фитилю керосиновой лампы. Но... моя холодная ирония – наилучший ответ на откровенное, умышенное хамство, так и осталась не востребованной. Одна из «благовоспитанных» дам, ни секунды не раздумывая, предпочла дипломатии боевые действия.

– Если мы – курятник, то этому старому козлу среди нас точно не место.

Одобрительный смех обитательниц курятника возвестил окончательное и бесповоротное изгнание налогового инспектора. Одной фразой он достиг того, чего ещё никому не удавалось – получил индивидуальный, двухместный столик у окна, предназначенный для приёма почётных гостей. Иными словами, обеспечил себе за завтраком кофе со свежей газетой, а за обедом суп, не приправленный ворчаньем и чавканьем болтливых соседок. Да здравствует победоносная сила хамства!

Вечером, помогая Шиллеру вылезти из штанов и носок, я позволила себе пару прямых вопросов:

– Зачем Вы сегодня так резко обошлись с пожилыми женщинами? Могли бы попросить отдельный столик никого не обижая.

– А я никого и не обижал. Просто назвал вещи своими

именами.

– Кудахтающие вещи... Похоже, вы обладаете особым восприятием действительности.

– Во-первых, Вас совершенно не касается моё восприятие действительности, а во-вторых, – его голос зазвенел отвратительно и едко, – не можете осторожней? Вы сдираете носок вместе с кожей.

Дёрнувшись, нога прицельно подпрыгнула вверх. Не успеешь вовремя уклониться, наверняка получила бы увесистый пинок в лицо. Этот несостоявшийся пинок стал последней каплей, переполнившей бочку моего терпения. Господи! Как я устала от всех этих дрызг, претензий, капризов и упрёков. Иногда кажется, наши пациенты с упорной злобностью мстят за свои болезни и немощь всем, кто ещё не достиг их точки распада, Мстят за то, что не успели вовремя умереть, прикорнув дома у телевизора, за то, что не нашли на блошином рынке Шагреневой кожи, готовой принять на себя их старение. Эта злобная зависть к тем, кто родился лет на двадцать – тридцать позже. Что за глупость! Каждый из нас пройдёт в своё время положенный путь. Но сегодня я ненавижу этого негодяя, попытавшегося пнуть меня в лицо. Проклятая богом профессия, на которую я добровольно обрекла себя под конец жизни!

Дома, даже выпив целый бокал красного вина и выкурив штук пять сигарет, не могла отделаться от бушующего внутри раздражения. И виноват в этом проклятый старик, разбу-

дивший воспоминания более чем сорокалетней давности – конфликты с разочаровавшимся в жизни отцом, сделавшим из меня когда-то козла отпущения.

Но в тот вечер с бокалом вина и пепельницей, переполненной окурками, я с возмущением думала о господине Шиллере, оттаптывавшем на мне свой рассеянный склероз, свою обречённость на полный физический и интеллектуальный распад.

Разумом понимала бессмысленность этой злости. Что можно требовать от старого антикварного комода, стремительно пожираемого стаями алчных древесных жучков. Снаружи он ещё сохраняет свои изящные пропорции и изысканную резьбу, но изъеденная сердцевина доживает последние дни. По прогнозам врачей ему остался максимум год относительно человеческой жизни, а потом... И вообще... Вряд ли он собирался меня пинать. Скорее всего сработал рефлекс потерявшей управление конечности. Но у разума есть, к сожалению, оборотная сторона – чувства, въевшиеся в нас, как ржавчина, неподвластная времени. И сегодня я превратила налогового инспектора в козла отпущения. За накопившуюся усталость, за ранние вставания, за вызывающий отвращение запах человеческих экскрементов, за очередной больничный лист, принесённый коллегой, и за то, что напомнил о старых обидах, давно потерявших смысл и значение. Напомнил, мерзавец, именно сегодня, в очередной несостоявшийся день рождения моего отца.

До законных, с таким нетерпением ожидаемых выходных, оставалось три дня, которые решила посвятить сохранению энергии. Приходя в комнату налогового инспектора, молча и отстранённо выполняла работу по уходу за его телом, натягивала просторную, застиранную одежду, и, не проронив ни единого слова, отвозила к столу.

Зачем тратить душевные силы на тех, кто упивается злостью, вскормленной на жалости к самому себе. Шиллера моё молчание не смущало. Похоже, это была годами отработанная стратегия: хочешь, что бы посторонние оставили тебя в покое, обхами их, что бы впредь не повадно было морочить занятую мировыми проблемами голову. За эти дни я научилась относиться к нему, как к бездушному телу, нуждающемуся в уходе, в глубине души понимая, что мне отказывает профессионализм. Излучаемая им агрессия – обычный для первых дней акт самозащиты от стыда за немощность и старческую нечистоплотность, но... перед выходными я имею право быть некомпетентной, как любой, очень уставший человек.

Мои надежды на отдых рухнули под кипой больничных листов, козырными тузами лёгшими на столе у начальства. Самое страшное; на выходные в доме не осталось ни одного ведущего специалиста, а это, по законам войны, означает осадное положение и подъём по боевой тревоге. Итог был плачевный. Под напором сказок, обещаний и лести пришлось согласиться на компромисс: я выхожу на работу, но

обслуживаю только своё отделение. Остальные два руководство закрывает собственными телами.

Но столь печально начавшийся день был полон сюрпризов. И самый первый преподнёс налоговый инспектор.

– А Вы что здесь делаете?

Близорукие, незащищённые очками глаза, смотрели скорее растерянно, чем враждебно.

– Разве у Вас сегодня не выходной?

– Оказалось, что нет.

– Да, я слышал краем уха. Ваши замечательные коллеги предпочли провести время в кругу семьи. Да ещё в такую дивную погоду. А Вы что, не умеете произносить волшебное слово «Нет»? Странно. Вы показались мне женщиной с характером.

Едва сдерживая раздражение под напором его провокаций, попыталась ответить как можно спокойнее:

– Я умею не только произносить «Нет», но идти, если надо, на разумные компромиссы.

– А Вы уверены, что в данном случае это было разумно?

– А Вы хотели бы, если у вас случится сердечный приступ, пролежать в этой комнате до понедельника без врача и без помощи?

– Если бы сразу умер, то хорошо, а вот понедельника полуживым дожидаться... слишком долго.

– Вот поэтому я пошла на компромисс.

– А Ваше начальство отправилось на прогулку или по ма-

газинам?

– Моё начальство трудится этажом выше, и на третьем этаже тоже.

– Bravo! У Вас и в самом деле есть характер. Да не тратьте на меня столько времени. За два дня без мытья не заплесневею. Заставлю в понедельник Ваших отдохнувших коллег вымыть меня под душем.

Я молча взяла в руки электробритву...

– Успокойтесь. Вложите аппарат мне в руки и нажмите на кнопку. Попытаюсь побриться сам. Двумя руками. Ещё пару недель назад удавалось.

Приладив электробритву между судорожно сцепившимися вокруг неё пальцами, с сомнением и жалостью следила за неуклюже дрыгающимися движениями.

– Нечего за мной наблюдать. Картина не из приятных. Идите и работайте дальше. Вернётесь минут через пятнадцать... или когда сможете и вывезете меня в коридор. До столовой доберусь как-нибудь сам.

Закончив дела в соседней комнате, вернулась к скверно выбритому Шиллеру, вывезла его из комнаты и, оставив посередине коридора, помчалась дальше. Но, добежав до угла, не в силах сдержать любопытство, оглянулась.

О чудо! Одна из обиженных им третьего дня дам, кокетливо чирикавая, толкала коляску в направлении столовой. Извечная сила инстинкта практичных женщин – подбирать на дороге всё, что может сгодиться в хозяйстве. А тут не то,

чтобы ржавый гвоздь, а одинокий мужчина, в собственном «лимузине»! Бодро перебирает ногами, щебечет и напрочь забыла, как позавчера обозвала его козлом.

Мы все смертельно боимся потери памяти, не задумываясь о привилегиях, связанных с этой потерей. А ведь это единственное надёжное средство против злопамятства. Долгосрочная память бережно охраняет ставшие антиквариатом картины прошлого, тогда как «протекающее» кратковременное хранилище спускает каждодневные мелочные обиды в канализацию небытия.

С этих несостоявшихся выходных начались наши особые отношения с господином Шиллером. Он никогда не интересовался моим прошлым, но подробно расспрашивал о «здесь и сейчас». В данный момент в его голове крутились только три темы: восприятие собственного увядания, утрата таинства «будущего» и доживание без надежды ещё раз испытать что-нибудь «впервые». Что-нибудь, кроме смерти.

О себе прошлом говорил как скупец, презирающий безмозглого игрока, просадившего в казино случайно свалившееся на голову наследство.

– Право родиться есть случайно выпавшая удача. Жизнь даётся нам напрокат, и мы с самого начала знаем, что когда-нибудь её придётся возвращать обратно. Вы боитесь смерти?

– Работая здесь, я её постепенно постигаю. В ней нет ничего страшного. Чаще всего это освобождение от уставшего

от жизни тела.

В этот момент Шиллер, крепко держась руками за борт раковины, привстал на ноги, давая возможность натянуть на него брюки.

– Елена, попытайтесь понять меня. Я тоже не боюсь исчезновения пришедшего в негодность тела. Дело не в нём. Мне жаль построенного мною внутреннего мира. Ведь внешнего мира, как такового, не существует. Вернее, не существует его объективной картины. Существуют миллиарды разных миров, преломившихся в призме восприятия каждого отдельного человека, и каждый из этих миров уникален. Как нет двух одинаковых людей, так нет двух одинаковых миров, и все они как бы заключены в стеклянные шары...

Я случайно взглянула в закреплённое над раковиной зеркало, и наши отражения встретились глазами. Шиллер тряхнул седой, спутанной гривой и усмехнулся... как-то странно... не по-доброму.

– Что-то не так?

– Простите, но мне в голову пришла нехорошая шутка. Хотя по-своему забавная.

– Так озвучьте её. Лучше услышать, чем самой домысливать.

– Только не обижайтесь. У Вас глаза очень красивые. Вот я и подумал... раньше, когда был молодым и здоровым, сам раздевал красивых женщин... и не только глазами, а теперь они на меня штаны натягивают.

Пошутит так кто-то другой, наверняка испытала бы противную неловкость. Но Шиллер... скорее не я, а он смутился... и не на шутку.

– Господин Шиллер, спасибо за комплимент. В последнее время в моих глазах видят скорее усталость, чем красоту. Спасибо.

– Не обращайтесь внимания на злоязычников. Они просто завидуют. Да... так что я хотел сказать... Ах да, я размышлял о мирах. Знаете, эти шарообразные миры, типа детской рождественской игрушки. Потрясёшь, и посыплется снег, заиграет музыка и закружится в танце маленькая балерина – пережитые нами радости, печали, успехи, фантазии, сбывшиеся и не сбывшиеся надежды.

Увлёкшись, Шиллер, отцепил от раковины правую руку, пытаясь описать ею замкнутый круг. Едва действующие ноги подкосились, и вся тяжесть не чужого мира, но чужого тела легла на моё вовремя согнутое колено.

– Простите. Я вас не покалечил? Что будем делать?

– Попробуйте ещё раз подтянуться на раковине. Заменю свою ногу Вашим креслом.

Уже сидя в кресле, он поднял на меня растерянные глаза.

– Вот видите, разве можно сожалеть об этой развалине. Но я не верю ни в бессмертие души, ни в реинкарнацию, поэтому и грущу по исчезающему вместе со мной моему миру.

И секунду помолчав, добавил:

– Говорят, когда человек умирает, по нём звонит колокол.

А я думаю, это со звоном рассыпаются по полу осколки его стеклянного шара.

Я бережно катила Шиллера по коридору, а перед глазами взлетали десятки волшебных шаров. Одни, спеша по своим делам, даже не замечали случайно оказавшихся у них на пути, другие, едва соприкоснувшись полированными боками, скользили дальше, а третьи сталкивались и начинали взаимодействовать. В каждом зажигались искры, звучала музыка и кружились балерины, только, преломлённые индивидуальным восприятием, они были совершенно разными. И никто не знал, что происходит в чужом шаре.

Шиллер прав, только в одном ошибся: бьются к смерти не стёкла, а зеркала, а значит вылиты шары не из простого стекла, а из зеркального. Сколько ни заглядывай в чужой мир, не увидишь ничего, кроме собственного отражения. Так разбился когда-то шар моего отца, одиноко умершего в районной больнице, а я так и не успела рассмотреть в нём ничего, кроме своего обиженного лица.

Но пора возвращаться к Королеве, столь неожиданно заинтересовавшей налогового инспектора. Она, не взглянув ни на госпожу Мопс, ни на ломтики сального картофеля, не спеша покинула поле боя и величественно поплыла навстречу Поэту. А Хильда, окинув растерявшихся вассалов самодовольным взглядом, изобразила на лице праздник победы над сбежавшим врагом.

Не дождавшись конца застолья, победительница запроси-

лась в туалет. Сегодня мне не хотелось оставаться с ней наедине и выслушивать хвастливые речи о методах воспитания отстающих. Но... Вопреки ожиданиям, круглые, чёрные глаза Хильды источали вселенскую скорбь.

– Что-то не так?

– Милая, в этой жизни всё и всегда «не так». Она развивается по кругу, ни разу не изменив намеченного сценария.

– Что случилось?

– То, что всегда. Почему эти глупые, не приспособленные к жизни пустышки всегда выигрывают?

Хильда, опираясь руками на металлический поручень, с усилием вытащила тяжёлое тело из инвалидной коляски и, совершив немыслимый разворот правым бедром, опустилась на унитаз.

– Вы спрашивали, почему так и не вышла замуж. Дело не во внешности. Это сейчас в моде длинноногие, шваброобразные фотомодели, а в моё время мужчин привлекали крепкие округлости, символизирующие плодородие и материнство. И по тем временам я была не так уж дурна.

– Так в чём же дело?

Хильда на секунду задумалась, брезгливо взглянула на отражённое в зеркале лицо женщины, когда-то символизировавшей плодородие и материнство, и, махнув рукой, заговорила.

– До войны нас, молодёжь, регулярно отправляли на работу в деревню. Большими отрядами, человек по двадцать.

Прополка, сбор урожая, сенокос... работа не утомительная, зато потом, до позднего вечера, танцы, игры, гулянки, романы. Домой почти все возвращались парами, а я всегда одна.

– Неужели никто не нравился.

– Подождите секунду. Помогите подняться. В такой позиции неловко рассуждать о любви.

Протянув руку, я поблагодарила бога за то, что он наградила Хильду любовью к спорту. Её тело, вопреки всем болезням и разрушениям, умудрилось сохранить упрямую силу. Слегка опираясь на мою руку, она совершила мощный рывок корпусом и, уцепившись за раковину, встала на ноги. Посадка в кресло уже не представляла труда.

– Вы спрашивали, нравились ли мне молодые люди. Конечно. Всегда привлекали видные и яркие, да и они бывали равнодушны к моим «символам». Начинали ухаживать, а я... Знаете сагу о Нибелунгах... Главная героиня, Брунхильда... Сильная, мужественная воительница решила выйти замуж за того, кто её в бою победит. Дралась она в полную силу, а силы в ней было немерено. Отец назвал меня в её честь. Хильда это сокращение от Брунхильды.

Госпожа Мопс, ссутулившись в кресле, теребила край небрежно наброшенной на плечи шерстяной кофты.

– Короче, как только юноша начинал за мной ухаживать, превращалась в Брунхильду: победи, одолей, докажи, что достоин. Они поначалу старались, думали в поддавки сыграю, а я уже в раж входила: и работала лучше всех, и в спорте всегда

первые места занимала, да и вообще, всегда и во всём самая лучшая. Тщеславная была. Игра в «а ну ка догони» им быстро надоедала. Рано или поздно появлялась этакая пустышка, умевшая лишь хлопать волоокими глазками, да томно вздыхать. К таким -то они всегда и уходили.

– И после войны ничего не изменилось?

– Такой же дурочкой осталась. Даже ещё хуже. Мы женщины эту войну в тылу на своих плечах вытянули. И зажигательные бомбы тушили, и развалины разгребали, и людей из-под обломков домов выволакивали... А тут прилепился ко мне один «герой». Всю войну в канцелярии просидел. Так с актами подмышкой в американский плен и загремел. Правда выгнали его через пару недель за ненадобность. Он вселился ко мне в комнату и давай командовать. Тут я ему и показала, кто герой, а кто бухгалтер. Думала поймёт и зауважает, а он сбежал к одной из таких, что глазками хлопают. Даже забеременеть не успела.

– А больше шансов не было?

– А я их больше и не искала. Ездил в отпуска. То в Турцию, то в Тунис, то ещё куда-нибудь, где мужчины европейских женщин любят. Ребёнка хотела родить. Да так ничего и не вышло. Видать тяжестей слишком много таскала...

– Ну а Шиллер то тут причём? Неужели интерес имели?

– Да нет. Просто попривычнее опять в Брунхильду сыграла. То на тренировке памяти вызов бросаю, то кроссворды решаю быстрее, то на гимнастике для «колясочников» ста-

раюсь из последних сил, хотя мне от него ничего и не нужно было. Только зачем ему эта убогая понадобилась? А обозлилась на дурака, потому что о прошлом напомнил.

Я обняла Хильду за плечи:

– А знаете, я на него на днях за то же самое обозлилась. Напомнил о том, о чём и думать не следовало. Два дня расстраивалась.

Хильда рассмеялась и хитренько подмигнула.

– А он, видать, вроде плохой погоды. От неё тоже старые раны саднить начинает. Тяжёлый человек.

Раз шутит, значит всё обошлось. Можно расслабиться и поддержать тусклое веселье:

– Говорят не бывает плохой погоды, бывает плохая одежда. Придётся в его присутствии утепляться.

Госпожа Мопс сбросила мои руки со своих плеч:

– Всё. Беги. Я тебя своими жалобами и так из графика выбила.

Уже на пороге меня догнал её очередной полезный совет:

– Приближаясь к Шиллеру не забывай надевать тёплые штаны.

Я бегу по коридору, чтобы опять раствориться в немогице и капризах требующих внимания стариков, а перед внутренним взором мелькают зеркальные миры господина Шиллера. Неужели его мир обладает такой убойной силой, что столкновение с ним у всех поднимает со дна полусгнившие обломки давно затонувших воспоминаний?

В последующие дни я с любопытством наблюдала за столиком у окна. Королева, элегантно орудуя столовым прибором, не докучала поэту досужей болтовнёй. Молчала не от тонкого понимания мужской натуры, а от бедности словарного запаса, унесённого потоками ликёров с шампанским. Она внимательно вслушивалась в рассуждения Поэта, в нужный момент удивлённо вскидывала брови, дарила улыбку согласия, вздыхала и кивала головой, но главное – не перебивала, не поучала, не упрекала и не навязывала своих взглядов. Ну разве это не чудо? Разве не о такой женщине мечтают мужчины всего мира? А вы говорите старческий маразм! Женщина, лишённая не только злопамятности, но и злоязычия! Одним словом, за столиком у окна царила гармония и, трепеща полупрозрачными крылышками, порхал шаловливый Купидон.

Извечная правда жизни: чем лучше чувствуют себя двое, тем сильнее буря, бушующая в душе третьего, оказавшегося лишним. Сегодня буря опять бушевала в душе Брунхильды.

– Почему жизнь всегда поворачивается ко мне задним фасадом? В чём я перед ней согрешила? Вот видите, сегодня даже встать не могу. Совсем ноги отказали. Как будете меня на унитаз перетаскивать?

– Перетаскивать не буду. Подъёмник привезу.

Пристегнув Хильду мягкими ремнями к подъёмному устройству, я нажала на кнопку пульта электронного управления. Обезноженная женщина, ловко уцепившись руками

за поручни, плавно поплыла вверх. Уже сидя на унитазе, она продолжала свои жалобы:

– Столько лет прожила, а мужскую философию так и не постигла. Зачем им примитивные женщины? Ведь с ними от скуки помереть можно.

– А вот ваш любимый философ Фридрих Ницше совсем иначе писал. Считал, путь мужчины лежит через самосовершенствование к «сверхчеловеку», а женщина всего лишь отдохновение воина, тихая гавань, куда он возвращается из походов. Разве на так?

– Знаете милая, философий много, а я одна, и разорваться между ними не могу. Мне роль тихой гавани слишком тесна. Предпочитаю быть путеводной звездой или музой, ведущей мужчину к совершенству. И потом... Вы говорите сверхчеловек... Мне тогда, в молодости, просто человека бы хватило. На «сверх» я никогда и не претендовала. Ладно, подавайте подъёмный кран. Я готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.